К.И. Шилин, А.П. Ларина

ЖИВОЕ ЗНАНИЕ

Часть I

ЖИВАЯ ПСИХОЛОГИЯ ВОСТОКА

ЭНЦИКЛОПЕДИЯ ЖИВОГО ЗНАНИЯ

Том 23

Часть I

Энциклопедия Живого знания

Ким Шилин

Живое знание. Часть 1. Живая психология Востока

«Пробел-2000»

2010

УДК 008 (470+571+520)+140.8
ББК 87.2 (2 Рос+Япо)

Шилин К. И.

Живое знание. Часть 1. Живая психология Востока / К. И. Шилин — «Пробел-2000», 2010 — (Энциклопедия Живого знания)

ISBN 978-5-98604-229-9

Замысел работы – в том, чтобы построить нормативный прогноз выхода человечества из грядущей эко-катастрофы, приняв за «ячейку» Начало Восхождения от абстрактного (интуитивной психологии) к конкретному (Теории живой психологии творчества жизни) самую гениальную идею К. Маркса – понятие труда вообще как «выражения жизни и утверждения жизни» (/6/). В итоге – Стратегия выхода человека-мира на качественно новый уровень, или «Экософия Живой психологии Творчества». Исторически-эмпирическим ее основанием мы считаем реальную психологию культур Востока, особенно Японии, по отношению к которым современная (западная) психология рассматривается нами как антитезис, подлежащий переосмыслению и переходу на уровень осознанного развития. Который совершается, в данном случае, при особой опоре на творчество С. Л. Рубинштейна и классическую культуру России в целом с ее своеобразной психологичностью.
Не менее значимый смысл работы – в Возрождении подлинного Маркса, ибо его творчество, на наш взгляд, было системно недопонято и вульгаризировано. «Выправление» его открывает перед человечеством такие перспективы, которые совершенно не в состоянии увидеть ныне современные, формальные наука-философия-логика-психология западного генеза. «Изюминка» монографии – в выводе: эко-гармонизация-ревитализация структуры языка и организации психологического знания ведет к аналогичным процессам в системе самоорганизации личности-творчества-общества и в конечном итоге – к снятию угрозы полного эко-коллапса.

Работа предлагается для использования в качестве учебного пособия при развитии творческих способностей докторантами-аспирантами-студентами всех специальностей, но прежде всего – художественно-гуманитарных, особенно – востоковедных.

УДК 008 (470+571+520)+140.8
ББК 87.2 (2 Рос+Япо)

ISBN 978-5-98604-229-9

© Шилин К. И., 2010
© Пробел-2000, 2010

Содержание

Живая психология человекотворчества 7
Восточная: детская и женская психологии творчества 9
I а. Тайны японской детски-женской психологии творчества 10
Мужская психология творчества 16
II а. Мужской интеллигентно-творческий потенциал Японо-Руссии 18
III. Соборно-синтезирующая психология-культура Японо-Руссии: эко-нормативный прогноз созидания 21
Конец ознакомительного фрагмента. 23

К. И. Шилин, А. П. Ларина
Живое знание. Часть 1.
Живая психология Востока

© Шилин К. И., 2010

* * *

Живая психология человекотворчества

Имена Карла Маркса и Сергея Леонидовича Рубинштейна в российской **психологии** менее известны, чем имя А. Н. Леонтьева. Хотя на Маркса ссылаются и Рубинштейн, и оба Леонтьева (отец и сын), пусть и не всегда прямо. Однако резко возрастающая в своей актуальности экологическая проблематика меняет, на наш взгляд, соотношение их концепций и выдвигает на первый план концепции Маркса и Рубинштейна в силу их экофильности. И по отношению к Марксу-Рубинштейну концепция Леонтьева обнаруживает потенции своего дальнейшего развития (при снятии ее экофобности, экологической ограниченности) и в качестве частного момента она все же может и должна быть сохранена. Близость концепций Маркса и Рубинштейна видна уже в следующем: «В своих рукописях 1916–1923 гг. Рубинштейн намечает и все более четко разрабатывает как бы «третий путь» в философии – третий по отношению и к материализму, и к идеализму. Но в 20–50 гг. он мог называть его только диалектическим материализмом или материалистической диалектикой», – считают К. А. Абульханова-Славская и А. В. Брушлинский. (/14/, с. 645). Эко-проблематика фундаментализирует это направление творческого поиска Рубинштейна. «Ключевым» подходом к экософскому осмыслению концепций К. Маркса и С. Л. Рубинштейна, а вместе с тем и решением всего комплекса эко-проблем, – являются понятия труда вообще и **межличностного общения**. Между ними видна весьма фундаментальная эко-структурная, логическая связь: межличностное общение является продолжением и развитием общения между человеком и природой, или эко-общения. В существующей мировой литературе максимально адекватным определением понятия эко-общения является практически неизвестное (не только в экономической, но и в психологической литературе) определение К. Марксом труда вообще. Это начало человека вообще и его психологии. Этот подход позволяет наметить потенцию взаимодополняемости: Детски-Женского, исполнительски-творческого потенциала культуры-психологии Японии (и Востока вообще) и Интеллигентно-Мужского, «прорывного» – России.

Их **вариативный** эко-гармоничный синтез-без-слияния дает феноменальное повышение творческих потенциалов обеих наших культур-стран. На основе такого подхода выявляются исторические-логические и особенно экологические ограничения и в то же время – качественно новые перспективы *научной, предметно-деятельной, формальной психологии Запада, переосмысливаемой нами как выражающей агрессивно-потребительский интеллект молодого мужчины (типа Александра Македонского*). Это предполагает снятие его претензий *на изначальность-всеобщность-перспективность* в силу недооценки-недоразвития ею остальных психологических типов творческих потенциалов и полного игнорирования эко-биологического контекста психологии. По контрасту с **Живой** психологией назовем ее *формальной, предметно-расчленяющей, запредельно аналитичной и столь же запредельно фетишизирующей мужской интеллект*. А вот культура-психология Японии – не только Живая, но еще и целостная, и синтезирующая, поэтому и в силу ее особости – представляет фундаментальное основание для решения комплекса наших проблем, но – вместе с культурой-психологией **России**, берущейся в ее специфике, в ее качественном отличии от психологии и Востока, и Запада, но без противопоставления им. В целом данная работа представляет собою скорее Программу дальнейшего, уже **совместного развития психологии и востоковедения**. Такая Программа предполагает **до**осмысление психологической специфики культур Востока-России, но ***пере***осмысление *научной психологии Запада*.

Итак, совместное взаимоосмысление востоковедением и психологией кратко намеченного комплекса проблем позволяет надеяться на их успешное решение. Это должно привести к настоящему «прорыву» в развитии этих двух сфер культуры и выходу на качественно

новый уровень в своем, уже совместном, соразвитии и взаиморазвитии. Тем более, что предлагаемая концепция покоится на еще более фундаментальном эко-синтезе **культур** Востока-Запада-России. Начнем, естественно, с исторически-логического, или всеобщего начала, но качественно иного и подлинно фундаментального, чем ныне бытующий.

Восточная: детская и женская психологии творчества

Таковым мы считаем **ТРУД ВООБЩЕ**, или абстракцию труда. Это категория, введенная К. Марксом в качестве «ячейки», «клеточки», **Начала действия метода восхождения от абстрактного к конкретному** – как Стратегии **теоретически-практического** выхода из той, эко-кризисной ситуации, которая едина для его, нашей и всех вообще эпох, включая все будущее. Она «есть не что иное, как абстракция, …производительная деятельность человека вообще, посредством которой он осуществляет обмен веществ с природой, не только лишенная всякой общественной формы и определенного характера, но выступающая просто в ее естественном бытии, независимо от общества, отрешенно от каких либо обществ и, как **выражение жизни и утверждение жизни**, общая еще для необщественного человека и человека, получившего какое-либо общественное определение» (К. Маркс. «Капитал», т. 3, глава 48 «Триединая формула», 1. Выделено нами. К. Ш., А. Л.). (/6/).

Это определение труда вообще имеет фундаментально-осовополагающий смысл и для востоковедения, и для психологии. Так как культура Востока, будучи культурой вообще, и человек вообще – формы «**выражения жизни»**. То это и делает их по своим истокам формами **Живого** знания, а в перспективе и средствами «**утверждения жизни», психологии человекотворчества и Востокотворчества**. Наиболее очевидно определение их родства по **структуре**: она во всех случаях **бинарна**, **двойственна: Жизнь и человек. Вот непреходящие основы**, в том числе и экономики и политэкософии. И это достаточно определенно прослеживается в трудах Рубинштейна и при рассмотрении под этим углом зрения культур Востока-России. Но это и **естественно**: в рождении Жизни новой (и даже всего нового) участвуют **два Живых существа** (кит. ***инь-ян***). Исторически эта основа **первична** по отношению к предметно-деятельностной форме труда и психологии. Этот тип общения характерен и ныне для Востока: его **психология нормальна**, но может быть существенно развита, ибо она – **Живая**, пусть даже предметом опосредствованная. Но этот (восточный) подход требует глубокого переосмысления **теории-философии-логики-методологии** *современной (рацио-формальной) психологии*. Но тогда Восток выглядит парадоксально и таинственно. Подчас это вполне реальные тайны.

I а. Тайны японской детски-женской психологии творчества

Первая и основная трудность в осмыслении Детской психологии – в том, что изначальное сознание на Востоке **Живое** и **нерасчленимое**. А Запад, начиная с античности, установил качественно иной способ: ***предметно-расчленяющий, а потому – противоестественный* способ *структуризации логики-философии-знания, а вместе с ними и самой живой действительности* (*превращаемой в удобно манипулируемую и умерщвляемую*)**. Спасает нас, человечество и биосферу, лишь то, что предметное расчленение характерно лишь миру *мужчин одного, агрессивно-потребительского типа*, но сохраняется остальным миром Детства-Женщин-Старших поколений, что составляет основу классических культур Востока. И в наиболее яркой и острой форме это глобальное противоречие присуще Японии, которая одновременно и бережно сохраняет свои, общевосточные традиции гармоничного общения-с-Природой, и интенсивно развивает и высокую технологию, подражая Западу и опережая во многом его.

Выход – в активизации развития интеллигентно-мужского творческого потенциала востоко = славянофильно-экофильной ориентации, однотипной с экофильным Востоком, – при одновременном отказе агрессивному Западу в запредельном доверии. Осмысливается жесткая необходимость и возникает реальный шанс решительного перелома в судьбах мира, поворота «колеса истории» на Гармонию-Добро-Мир и все прочие духовно-позитивные свойства и отношения. Одно из основных направлений – совместное развитие-преобразование психологии-востоковедения, а в их рамках – осмысленное развитие Живой ДЕТСКИ-ЖЕНСКОЙ ПСИХОЛОГИИ ТВОРЧЕСТВА.

Основное качество Детской психологии творчества – доверчивость: ребенок **творит себя по «лекалам» самой Природы и родителей, по их «образу и подобию»**. Этот принцип – основной для изначального типа культур даосизма-синтоизма-брахманизма и язычества вообще. Такое доверие к Природе сохраняется также искусством, художественной культурой творчества. Эта безграничная доверчивость пронизывает и современную культуру Японии в качестве ее непреходящего традиционного основания, **бережно сохраняемого японским языком**. Это свойство сохраняется и развивается японской, в основном **Женской** культурой Творчества.

Женская творческая индивидуальность исторически и логически является продолжением изначальной, природной творческой индивидуальности (Детей Природы), смысл которой состоял в осознании человеком себя как творения Бога и Божественной Природы: Земли и Неба, а в Японии – Богини Аматерасу. Исторически этот тип творчества действительно вышел из язычества – из его наиболее рафинированной формы – брахманизма. В Китае и Японии он получил распространение как развитие однотипного с ним даосизма и синтоизма, почти сливаясь с ними. В чем же различие? В чем именно буддизм как женский творческий потенциал развивает синто (даосизм и язычество в целом) с его высокой Детскостью?

Основанием этого процесса является само био-различие ребенка и матери, – которое ведет к различению двух разных, но не противоположных друг другу видов творчества, творческой индивидуальности. **Женщина,** посредством рождения ребенка**, творит жизнь новую**, и через эту новую жизнь (через ее появление и общение со своим чадом) – творит также и себя как особую творческую индивидуальность. А человек, становящийся творческой индивидуальностью, **творит себя**, и через себя – остальную жизнь.

Итак, человек как творение Природы **скорее берет у Природы и старших поколений во имя своего развития,** чем отдает, а **женщина** скорее «отдается» своему творению, пере-

давая ему, своему творению все то, что ей дала Природа. Тем самым закладывается био-экологическая основа **эко-воспитания** как «стержня» всей системы подготовки к жизни следующих поколений. Именно поэтому обучение в японской культуре вторично и ориентировано скорее на прошлое, чем на настоящее и будущее. Дитя экологично по факту своего рождения. Женщина-Мать экологична по-иному: в соответствии с основной функцией **сотворения жизни, воспроизводства того, что ранее создавала сама Природа**. Этот факт **со**-Творчества-с-Жизнью и порождает основной принцип буддизма как сути психосоциокосма женщины, – **сострадание**, вплоть до полной самоотдачи, саморастворения в своем творении. Это и является реальным жизненным смыслом творчески-нравственного удовлетворения – **нирваны**. Творение человека идет в общем-то как индивидуальное общение, а женский тип творчества воспринимает общение как **сотворчество**, творческое, как минимум, трехстороннее общение. Это создает необходимость и в социальном общении (в масштабах общины буддистов, *сангхи* с особой формой межличностного общения).

Индивидуальное эко-общение перерастает в эко-социальное общение, что во многом и определяет специфику женского типа творчества и женской творческой индивидуальности, женского типа общения, характеристики которых развивает и японская лирика и вся японская традиция в целом. Поэтому свойства эко-общения являются важнейшими качествами женского творчества.

Это свойство японской культуры лучше всего проявляется при осмыслении особенностей японской лирики, к которым можно отнести следующие:

1) эко-общение прежде всего биологично, поскольку воспринимается как общение двух живых существ: человека и иного живого существа (Природы в целом);

2) каждый акт эко-общения УНИКАЛЕН не в меньшей мере, чем уникально живое существо как его сторона, основание и источник;

3) эко-общение является взаимным общением по-разному активных сторон-систем, не ограничиваемое субъект-объектным отношением;

4) эко-общение всегда ВЗАИМНО – в любви, доброте, красоте, мудрости и других позитивных качествах.

5) как и сама жизнь, эко-общение имеет особую геометрию: его стороны несимметричны друг другу, будучи взаимным дополнением двух принципиально разных, но не враждебных друг другу сторон, составляющих специфическую бинарную систему, состоящую из автономных подсистем;

6) эко-общение постоянно в своем НЕПОСТОЯНСТВЕ как непостоянна сама Природа. Сколь бы ни был уникален каждый миг этого общения, само оно постоянно и неизменно. Оно пронизывает всю жизнь человека, особенно женщины.

Помимо поэзии очень близки к этому экофильному общению такие виды творчества, как икебана, живопись, театр, чайная церемония… Эти свойства эко-общения как целого, будучи по своему происхождению свойствами Природы, все же не сводятся только к ним. Помимо этого, имеются еще и специфические свойства эко-общения, которые не являются свойствами Природы, хотя и выводимы из нее. Японская лирика говорит, конечно, и о трехстороннем, и о многостороннем общении (Природа, друзья, родные и я), но никто (и ничто) **не противостоит** непосредственному общению-с-Природой. В японской культуре, в отличие от более привычной нам античной традиции, НИКАКОЙ предмет не «заслоняет» собой ни человека, ни Природу.

Женщина, конечно, «удваивает» себя в ребенке, не противопоставляя его ни себе, ни остальной Живой Природе. Японская традиция чужда предметному «утроению», «усложнению» и в итоге умерщвлению эко-общения, какое мы привыкли видеть в западной культуре, в т. ч. и психологии. В Японской лирике нет никакой вычурности, надуманности. У Кавабата

Ясунари, к примеру, явно просматривается живая связь человека с живыми «предметами»: в них ощущается жизнь самого художника; «предмет» сливается с Природой:

Долгий вешний день! // Лодка с берегом неспешно // Разговор ведёт.

(/33/, с. 197)

Передавая эти особенности японской культуры, мы замечаем, что основное свойство эко-общения – его непосредственность, неопосредованность предметным миром античеловечно-экофобной цивилизации как культуры потребительства. Мир Востока не противопоставляется человеком ни себе, ни Природе. Кавабата Ясунари метафорично выражает свое представление о единстве мироздания, указывая на то, что действительно лежит в его основе, как и в основе присущих его составляющим – макро=микро-косму – отношений:

“Если у вселенной одно сердце, // Значит, каждое сердце – вселенная.”

Речь здесь идет о **Женски-Материнском сердце – в первую очередь.** Это сердце не может делить свою любовь к Природе по частям. Вместе с тем «любовь к Природе всегда взаимна!» (/27/, с. 216).

Гармоничность эко-общения вытекает из поэтично-любовного восприятия Природы: Женщина, будучи подсистемой Природы, чувствует любовь ее к своим творениям. Она и сама наделена тем же отношением к жизни, что и вся Природа. Такая эко-гармония во всем ее многообразии пронизывает всю японскую культуру. Ее выявление и есть реальное развертывание основной аксиомы японской культуры. Как многообразна Природа, так многообразна и гармония с нею. Ярчайшим примером этого является ЛЮБОВЬ МЕЖДУ МУЖЧИНОЙ и ЖЕНЩИНОЙ. По словам Томиэ Охара, любовь эта всегда неповторима и складывается поразному («на десять тысяч ладов» (/27/, с. 216)). И этот же принцип понимания разнообразия форм любви-гармонии свойствен и сфере эко-общения. Очевидно и то, что ПРЕВАЛИРОВАНИЕ ЖЕНСКОГО НАЧАЛА В МУЖЧИНЕ как носителе синто-буддийской духовной традиции в Японии исключает эко-катастрофу в принципе. Но, вместе с тем, все-таки препятствует его общему творческому развитию. Поэтому-то актуализируется процесс удвоения Творчества Жизни; оно становится двойным: как совместное и взаимо-творчество. Это позволяет полнее-системнее развивать специфику каждого типа творческой личности, ныне как бы «размытых» по всему спектру личностного потенциального многообразия, или творчески-личностной «палитры» Женской японской культуры.

Излишняя «феминизация» детства (и детского начала в творчестве) ярко видна в следующей танке:

Ах, если б этот мир похож был на цветок,
И каждую весну рождалось бы былое!
Но нет, увы… // Мир бренный не таков:
Что раз прошло, не возвратится боле.

Неизвестный автор

Здесь видна особая фетишизация – приписывание Природе своего отношения к ней. Повтор вызывает радость лишь в тех культурах, которые ориентированы на прошлое, но вызывают досаду, даже скуку и прочие негативные чувства у творческих индивидуальностей, ориентирующих себя на постоянную смену настроений, на непрерывный поиск нового в былом. Обусловлено это различие тем, что ***лишь женщина*** биологически ориентирована на постоянство *внутренних* изменений, стабильность в развитии. Мужчина и ребенок ориентированы на перемены, поиск нового, развитие и обновление. Именно эти свойства должны быть позитивно эмоционально, нравственно, эстетически, **инновационно** окрашены. О переносе «женского под-

хода» на сферу, где более подходящей является Мужская (интеллигентная) логика, говорит следующая особенность японской лирики: «Горесть жизни ощущается благодаря тому, что всякая радость, да и все в мире, преходяще»; об этом говорит образ струй реки Ёсино: сейчас они текут здесь, перед глазами; один миг – и они скрылись в далеких горах.

Будешь дальше течь, // И отсюда далеко // Спрячешься в горах… // Только ты одна, река Ёсино? // Иль в мире всё? (/29/, с. 165)

Здесь «горесть жизни» менее уместна, чем радость по случаю перемен, т. е. того, что «все в мире преходяще». Творческому умонастроению и мужской логике ближе перемены, а не пассивное восприятие горестей жизни:

Мой приют стоит // На восток от города.
Здесь один живу. // «Скорби холм» зовут его.
Что же? Скорбь – удел людей!

Кисэн (/29/, с. 35)

Нет! «Скорбь» не обязательно есть «удел людей» – всех людей, и даже не обязательно – удел женщин. Хотя, по-видимому, без скорби не обойтись. Но ведь вовсе не обязательно делать ее всеобщим умонастроением будущих поколений.

А вот еще одно самоограничение Женской логики отношения к миру:

Мелкая гора!» // Отраженье ясно вижу
В мелкой речке… // «Мелкой» что ль была
К нему любовь моя?

(/29/, с. 147)

И действительно, миниатюрность – общая характеристика всей японской культуры. Конечно, это имеет огромный позитивный смысл при построении микромоделей: в производстве часов, при создании миниатюр всех типов, в искусстве *бонсай* и в сфере высоких

технологий… Но ведь кроме этих качеств, творчество и вообще созидание, формирование человека (особенно мальчика) – в творческую индивидуальность – нуждается еще и в других качествах: творческом дерзании, склонности к новизне, риску, масштабности, решительности, смелости и др., что в гипертрофированном виде присуще Западу.

Вся совокупность качеств, присущих женски-мужскому творчеству Пушкина, Толстого, Достоевского и в целом русской культуре дает некую перспективу для нормального, гармонично-равного со-развития женского и мужского начал в культуре Японо-Руссии, создаваемой нами на основе диа-синтеза культур Японии и России. Это предполагает перенесение высочайшей нравственно-эстетической утонченности, изысканности, высокого эстетизма японской, в основном женски ориентированной культуры в культуру Японо-Руссии, в которой предполагается равное развитие женского и мужского творческих потенциалов. В этом – величайший вклад Японии в сокровищницу мировой культуры, будущее которой мы видим в культуре Японо-Руссии. Чтобы осознать это качество японской культуры, достаточно посмотреть, к примеру, насколько женски-очаровательна следующая танка:

«На ветках хаги той, на яшмы блеск похожи
Дрожат росинки чудной красотой,
И тают вмиг от рук… // Гуляющий прохожий!
Любуйся так, не трогай их рукой!..»

Неизвестный автор

«В осеннем поле выпала роса,
И словно в белой яшме вся равнина.
Куда ни взглянешь – блеск… // И вот, как жемчуга,
Блестит росинками повсюду паутина»

Бунъя Асаясу (/29/, с. 94)

Этот принцип: «Не трогай их рукой» (недоброй) – должен стать всеобщим этико-логическим принципом всей мировой культуры будущего, и более того: общим принципом Творчества Жизни Человеком. Любование Природой – без вторжения внутрь нее – принцип воспитания, творения талантов и гениев. Япония к этому **предрасположена**. А из этого следует необходимость такого же высокого развития и мужского творческого потенциала.

О, этот мир, печальный мир и бренный!
И всё, что видишь в нём и слышишь, – суета.
Что эта жизнь? // Дымок в небесной бездне,
Готовый каждый миг исчезнуть навсегда!»

Фудзивара Киёскэ (/29/, с. 71)

Конечно, мир – «бренный», «суета», дымок и пр. Но ведь этому можно и радоваться! А не только скорбеть. Но вот какая самоотверженность звучит в следующей танка:

Я не о том грущу, что ты забыл так скоро, // Не о своей судьбе в тревоге я. // Но жизнью мы клялись, // Богам клялись мы // И я боюсь: что ждёт теперь тебя?

Укон (/29/, с. 64)

Это нечто близкое пушкинскому: «Я Вас любил так искренне, так нежно, как, дай Вам Бог, любимой быть другим» (/13/). Это – шедевры мировой классики. Но в русской лирике-логике человек (мужчина) активнее, он чувствует и мыслит все-таки по-своему: смелее, решительнее, рискованнее. Отождествление «Лета» (в японской лирике) с **Женской** творческой индивидуальностью позволяет наметить следующие основные линии в развитии женского творческого потенциала:

1) дальнейшее развитие чувств, качеств, отношений любви, гармонии, красоты, а также самоотверженности, самоотдачи, самоотречения как необходимых атрибутов женского творчества и творчества Жизни личностями **всех** типов;

2) в то же время, необходимо несколько ограничить претензии Женского комплекса позитивных качеств творчества, дающих ему устойчивость, стабильность, определенность, неизменность в меняющемся мире. Это предполагает снятие претензий этого комплекса свойств на всеобщность принципа, якобы, характерного для всех групп населения;

3) можно подумать и об ограничении минорного настроя в общем самоощущении женщины в мире; тем более этот принцип менее уместен для неженщин и японцев в целом. Особенно в сфере творчества. И сами японцы научились хорошо улыбаться.

Итак, 1) Развитие Детски-Женского творческих потенциалов – это то, чему Россия должна поучиться у Японии.

2) Данное выше Экософское осмысление Женского творческого потенциала дает шанс осмыслить также и мужской творческий потенциал и его логику.

Это не простая, но все же решаемая задача. Ее решение заключается в следующем: женщина и мужчина составляют некое живое бинарное единство двух начал, различаемых по своим функциям-структурам, связывающим их в одно гармоничное целое по принципу **взаимодополнения** (как одного из принципов Живой логики). И если мы выводим качества женщины из Живой природы и ее общения с человеком, то эту же, Живую логику (и психологию), но в ее развитом виде, попробуем применить и при введении интеллигентно-мужской Живой логики-психологии как продолжения и развития Женской Живой логики-психологии.

Мужская психология творчества

К. Маркс дает логико-теоретическое основание этому типу психологии в виде системно продуманной дефиниции предметной деятельности, которая по существу у него такова:

КОНКРЕТНЫЙ ТРУД – понятие, введенное К. Марксом для обозначения начально-простейшей, *предметно = агрессивной, превращенно = отчужденной* формы **труда вообще**. Сложность здесь в том, что *конкретный* труд ***умышленно выдается и, увы, воспринимается за*** **труд вообще**. Но попробуем понять ограничения *конкретного*. К. Маркс дает следующее общеизвестное определение этого понятия ***конкретного труда***:

«Труд есть прежде всего процесс, **совершающийся между человеком и природой**, процесс, в котором человек своей собственной деятельностью *обуславливает*, **регулирует** и *контролирует* **обмен веществ между собой и природой**. Веществу природы *он сам противостоит* как сила природы. Для того, чтобы *присвоить* вещество природы в известной форме, **пригодной для его собственной жизни, он приводит в движение принадлежащие его телу естественные силы: руки и ноги, голову и пальцы**. Действуя посредством этого движения на *внешнюю природу* и **изменяя ее, он в то же время изменяет свою собственную природу. Он развивает дремлющие в ней способности** и ***подчиняет игру этих сил своей собственной власти… Он не только изменяет форму того, что дано природой: в том, что дано природой, он осуществляет в то же время и свою сознательную цель, которая как закон определяет способ и характер его действий и которой он должен подчинять свою волю. И это подчинение не есть единичный акт.»*** (К. Маркс. «Капитал». Т. 1, гл. 5, 1. Выделено нами. – К. Ш., А. П.). Но выделено здесь двумя экологически разными способами: то, что показывает

1) сохраняющийся процесс общения между человеком и природой, процесс, в котором УЖЕ ЧЕЛОВЕК регулирует эту систему эко-общения; здесь человек сохраняет преемственность со всеобщим своим био-эко-основанием; т. е. это – **полезный, экофильный** труд (выделено **п/ж**). Но вопреки этому

2) устанавливается ***двойное насилие человека над природой и самим собой*** *(выделено курсивом)*, в котором он а) подчиняет себя *враждебной для него цели как силе, каковую представляет для него как рабочего другой человек – хозяин тех, предметных* средств труда и производства, *подчиняя себя* которым, рабочий *подчиняет себя тем самым их хозяину*; б) а затем он уже как *купленный товар* (*рабочая сила) подчиняет власти* другого человека природу, *превращенную* во *внешнюю* для них обоих силу.

В целом это – уже отнюдь не изначальная, не первичная, совсем не сущностная, но явно *противоестественная* форма труда. Принимая ее за изначальную форму труда, за труд вообще, мы совершаем грубейшую подмену, обман-самообман, основанный на всеобщем ***товарном фетишизме всей цивилизации Запада***. Самообман этот – всеобщ: он пронизывает всю *философию-логику-образование-науку-психологию, всю систему эко-социальных отношений, преобразованных в системно «перекошенные» соци**ет**альные отношения предметной деятельности*. Этот чудовищный самообман основан на *обмане* и привычном *насилии* над человеком и природой и стал ныне эко-катастрофически более опасным, чем насилие человека над собой: «Все предметы, которые ***труду остается лишь вырвать из непосредственной связи с землей, суть данные природой предметы труда. Например, рыба, которую ловят, отделяют от ее жизненной стихии, воды, дерево, которое рубят… Средство (орудие) труда есть предмет или комплекс [сочетание] предметов, которые рабочий помещает между собою и предметом труда и которые служат для него в качестве проводника его воздействий на этот предмет. Он пользуется механи-***

ческими, физическими, химическими свойствами тел для того, чтобы в соответствии со своей целью заставить их как силы действовать на другие тела. Предмет, которым рабочий овладевает непосредственно… есть не предмет труда, а средство труда.» (Там же. Выделено нами. – К. Ш., А. Л.).

Это – общие теоретико-логические основания современной, предметно-деятельностно, субъект-объектно ориентированной, *особой* психологии со всеми ее пороками-ограничениями, свойственными психике молодого, агрессиво-потребительски ориентированного мужчины (типа Александра Македонского). Рубинштейн чувствует-понимает их, намекает на них, но не имеет достаточных возможностей прямо и открыто говорить о них в силу идеологически всеобщего (для того времени) господства предметно-деятельностной парадигмы, в т. ч. и в психологии.

Естественно, жестко необходимо снятие *предметно-расчленяющеформальной психологии, неявно ориентирующей* население Земли на тотальное *умерщвление биосферы*. Необходима ее **замена** путем совершенствования существующих типов психологии (в обоих ее смыслах: и как науки, и как массового феномена), **выявление некоей «промежуточной» – между женской и агрессивно-мужской – формами психологии**.

II а. Мужской интеллигентно-творческий потенциал Японо-Руссии

Это не простая, но все же решаемая теоретико-прогнозная задача. Ее решение заключается в следующем: женщина и мужчина составляют некое живое единство взаимодополняемых структур-функций одного гармоничного целого. И если мы выводим качества женщины из Живой Природы в их общении, то ту же, Живую логику можно применить и для выведения интеллигентно-мужской Живой логики как продолжения-развития Женской Живой логики, а также реального опыта софиемудрствования русских-россиян.

Так, Лев Толстой как четырехмерная творческая индивидуальность, обладая одновременно и Женской душой и мужским интеллигентным разумом, дает нам своим творчеством дополнительные художественные эмпирические основания для определения интеллигента-мужчины как творца качественно новой субкультуры Японо-Руссии.

Итак, человек как микро-вселенная является «резюме» – итогом-творением макромира в детском возрасте: в онто- и филогенезе, то есть еще и в качестве начала истории (бережно сохраняемого многими народами поныне, в т. ч. и японцами). Взрослые в современном мире – уже не только творения Природы, но и ее сотворцы (но это изменение качества эко-общения не зафиксировано традицией). Причем сотворцы разные: женщина непосредственно участвует в сотворчестве с Жизнью, мужчина (Запада) – творит мир неживой природы, мир предметов (потребления-властвования). Эту предметно-атомизирующую линию творчества гипертрофирует Запад, вынуждая женщин действовать, творить по логике мужчин. Япония в этом отношении развивает более фундаментальное – Женское творческое начало, формируя и мужчин по интуитивно-всеобщему образу и подобию женской творческой личности. Поэтому для японцев особо актуальна задача выделения, или «позитивной поляризации» мужского творческого начала из женского, а для Запада, наоборот, женского – из мужского.

Но обе задачи – сложные и «тонкие». Особенно – японская проблема: ведь глубочайшая экологичность японской художественной культуры как раз и покоилась на превалировании женской экологичной душевности над мужским, предметно-активистским, потенциально экофобным началом, что реализуется Западом в созданной им эко-катастрофе. Поэтому для Японии задача заключается в таком выделении мужского из всеобще-женского, при котором общая экологичность культуры Японии и Японо-Руссии не только сохраняется, но и развивается путем совершенствования агрессивного мужчины в интеллигента, чему поможет Россия. Итак, опыт решения этой проблемы позволяет сформулировать следующие выводы:

1. Мужчина есть и непосредственное, и опосредствованное (предметом по преимуществу) единство био-природного и собственно человеческого, био-социального начал. При этом он, прежде всего, индивид (как био-природное существо), а уж потом – социальное существо. Он творит и общество: интеллигентно-миролюбивое и предметно-агрессивного типа.

2. Мужчина – это творец, который вместе с женщиной творит Жизнь. Правда, в отличие от нее, он творит ее путем создания предметных средств, рационалистично. Для мужчины творчество – самореализация своих потенций, самоутверждение, тогда как для женщины – это самоотдача, и лишь в этом – самореализация.

3. Мужчина в состоянии поддерживать гармонию с Природой именно потому, что он сам – Природа (точнее: результат сотворчества Природы и Женщины, Неба и Земли). Эта уникальность мужчины заложена ему геном природного универсума в качестве программы его жизни и творчества. Он должен, становясь сотворцом Жизни, – следовать этой своей

естественной программе, – а не иной, меняя ее с возрастом. Но мужчина более свободен от своих связей с жизнью Природы, – в чем и таится потенция эко-катастрофы, которую отныне необходимо предвидеть и блокировать, – тогда как женщина следует программе Жизни.

4. Активность мужчины направлена вовне и по преимуществу в сферу предметных средств творчества. Это обязывает его, как сотворца Природы, свою предметно-деятельную активность соотносить с самой жизнью, воздерживаясь в своем прагматизме от гипер-активности, ибо она идет во вред жизни Природы, других людей и социума. Существенно то, что японец, «вооруженный» экофильными средствами интеллигента-Творца Жизни, сможет делать это, а рацио-личность Запада – это не делает.

5. Мужчина-творец должен брать на себя ответственность за жизнь других людей, Природу, социум – как умный и мудрый человек. Чтобы стать таким, он должен овладеть особой, мужской Живой логикой творчества, которая включает в себя еще и гармонизированную, метаформальную логику.

6. Мудрость мужчины-творца должна проявляться и в понимании ограниченности прямоты, прямодушия, открытости, которые могут обернуться прямолинейностью, огрубленностью, одномерностью, опасными в общении с Природой, социумом и другими людьми. Что и происходит на Западе.

7. Мужчине-творцу должна быть присуща ориентация на гармонизирующее само-развитие, ибо он, как активный субъект творчества Жизни, динамичен, находится в постоянном становлении, как и Природа. Это неизменное свойство его как творческой индивидуальности. Женщина, наоборот, представляет собою в творческом отношении постоянство в изменчивом мире. Вот почему их общая задача: гармонизировать свои отношения в эко-общение-творчество Жизни, составляя гармоничное единство друг с другом и со всеми иными сотворцами Жизни.

8. Мужчина, в отличие от женщины, – ориентирован не на семью, а вовне, на более широкую, эко-социальную общность, что впрочем, вовсе не исключает, а прямо предполагает сугубую индивидуальность (=замкнутость творческого процесса отдельной творческой личностью), что дополняется творческими достижениями других творческих личностей. В этом плане может быть разрешен тот, казалось бы, парадокс, когда “женскость” Японии (=Востока вообще) развивает мужчина. Он вместе с женщиной должен выступить основным субъектом развития всей системы эко-социальных форм общения в Японии-Мире. Этот же принцип, но в своем перевернутом виде, осуществляет и Запад, вынуждая женщину действовать по логике агрессивных мужчин.

9. Именно опосредствованность творчества мужчины отличает его от женски-непосредственного созидания жизни. Это качество превращает мужчину в основного субъекта экофобно-катастрофичной предметной деятельности. Вот почему так важно для него решить задачу повышения уровня творческой самокритичности – по отношению к тенденции предметизации. Это означает и большую преемственность творческой индивидуальности мужчины будущего по отношению к традициям Японии и Востока в целом в смысле непосредственности = неопосредствованности предметом системы гармоничного эко-общения. Это означает еще и содействие неживой Природе в раскрытии = развертывании потенций ее превращения в момент, внутреннее средство (например, скелет) саморазвития жизни. Это – ревитализация неживого.

И все же, говоря в целом о мужчине-творце как идеале, которым для нас являются А. Пушкин, Лев Толстой и др. творческие индивидуальности России, необходимо подчеркнуть, что основная часть работы по японизации опыта Евразии и Запада должна быть проделана с жесткой необходимостью в ближайшем будущем. Самое большее, что удалось сделать на данном этапе – наметить стратегию-программу общего, экософски осмысливаемого процесса смены всех парадигм Востока-Запада-Евразии. Фундаментальным основанием для

реализации данной Стратегии является творчество интеллигенции России, создавшей основания и для качественно нового типа творческого потенциала, возникающего в лоне классической русской культуры и, естественно, наследуемой и субкультурой Японо-Руссии.

К тому же, Лев Толстой, А. Пушкин и др. русские поэты-писатели, будучи четырехмерными творческими индивидуальностями, а значит, обладая одновременно женской душой и мужским интеллигентным разумом, дают нам своим творчеством дополнительные художественные эмпирические основания для определения того, что такое подлинные Детскость и Женственность по-японски и в будущем, и что такое интеллигентный мужчина как Творец качественно нового и новой субкультуры Японо-Руссии и Жизни в целом. Такое **взаимо**осмысление японски-женского и интеллигентно-мужского творческих потенциалов дает шанс осмыслить по-новому и Детский, и Женский варианты творческой индивидуальности будущего (например, Льва Толстого как идеала). Фундаментальные эмпирические основания для самой постановки данной проблемы дает Восток, прежде всего буддизм, а значит, и синтоистски-буддистская Япония. Но вот эко-осмысление этих реалий возможно скорее всего средствами классической русской культуры, а значит, и нашей Экософии Творчества Жизни.

III. Соборно-синтезирующая психология-культура Японо-Руссии: эко-нормативный прогноз созидания

Встретишь Будду – убей Будду!
Чань-буддизм

Данное изречение, свидетельствующее о креативности поэтично-буддистского мышления, – одно из самых «таинственных» положений дальневосточной мудрости. Часто оно трактуется как призыв к ниспровержению всех идолов. Однако смысл его гораздо глубже. Его можно понять, опираясь на положение: «мысль изреченная есть ложь» (Ф. И. Тютчев). Этот тезис точно передает акцент классических китайски-японских поэтов-мудрецов на глубинном уровне, скрываемом словами, но ими же и выражаемых. Не означает ли призыв «убей Будду!» призыва к устранению «Будды явленного» для обретения более глубинной любви к подлинному Будде (являющемуся в данном случае одним из символов многообразной Природы)? Тогда это призыв к раскованности, креативности мышления-поведения.

Но раскованность, как и творческая активность, тоже имеет свои измерения, и свою внутреннюю самоорганизацию. Лишь ребенок может позволить себе полнейшую «свободу без границ». Мудрец в своей свободе руководствуется творческими интересами, но не своими личными, а Жизни в целом. Поэтому названный принцип лучше переформулировать по-новому: «Встретишь Будду – пересотвори Будду!». Что, естественно, резко повышает меру ответственности: ребенок может безответственно «убивать Будду»; мы-то знаем, что это ему не под силу; а взрослый должен понимать это не буквально, мудрец – тем более.

Этот принцип пересотворения, досотворения, взаимотворчества и т. п. должен стать всеобщим, начинающим свое действие с самой беззащитной части жизни – с Живой Природы и детей. Эко-общение учетверяется, а точнее: вообще становится безмерным, ибо и познание жизни, и тем более ее созидание – не могут ее исчерпать. Жизнь – тайна, Творчество Жизни – тайна тайн, бесконечность в степени бесконечность. В этом – прелесть и бесконечная притягательность творчества жизни человеком – высшей, самой творческой формы творчества. Здесь человек и становится подлинной творческой индивидуальностью высшего уровня, человеком-Творцом = Богочеловеком (в русской культурной традиции), младшим соавтором самого Бога. Разумеется, по степени высочайшей ответственности за жизнь вообще (не по претензиям).

Эта духовно-творческая индивидуальность высшего уровня продолжает преемственность по отношению ко всем творческим индивидуальностям, обнаруживая новые, высшие уровни во всем творчестве их всех. Прежде всего, в том смысле, что она начинает творить их самих: ее творчество – это Творчество Творцов Жизни, а вместе с ними – и творчество самой Жизни тоже. Они – вместе с детским началом – должны быть гармонично уравновешены. Гармоничное объединение женского и мужского начал, а значит, и женски-восточной культуры и интеллигентно-мужской культуры России – наиболее очевидное основание уже трехстороннего синтеза культур и типов творческой индивидуальности, – что и позволит нам выйти на новый уровень. Для этого необходимо решение проблем в еще одном аспекте, который в чань-буддизме сформулирован в виде парадоксального афоризма: «Человек не может быть благоразумным и мудрым, если в нем слишком сильно мужское или женское начало». И здесь с самого начала можно увидеть следующий парадокс: творчество творцов, любовь к ним должны начинаться, естественно, с любви к природе = детям (что было декла-

рировано и выше). Так это было исторически, сохраняется японской традицией и представляется самым естественным и неизменным для культуры Японо-Руссии.

Творчество творцов переворачивает эту историческую последовательность и, вопреки ей, начинает не «снизу», а как бы «сверху», с Творчества Творцов высшего уровня, с самосозидания духовно-творческой индивидуальности высшего уровня. И это, оказывается, наиболее продуктивно, ибо Творчество высшего уровня – всегда взаимно, есть взаимотворчество, взаиморазвитие творческих потенциалов всех и каждого. В определенном смысле это даже и легче, ибо опирается на саморазвитие = самосозидание творческой индивидуальности в интенсивно-динамично-творческом общении. А уж они, – как корни, – будут «ветвиться» детьми, в своеобразном генеалогическом древе. Но Творчество Творцов специфично еще и потому, что это творчество отношений с творческими личностями, а уж затем и их самих. И не просто субъект-объектных отношений, ныне принятых в качестве всеобщего-де эталона, но отношений субъект-субъектного общения при максимальном самоограничении, самосдерживании основным субъектом творчества своей собственной творческой активности, – во имя нарастания творческой активности иных (особенно младших) субъектов сотворчества. К тому же – при четкой «позитивной поляризации» (П. Сорокин) разных типов творческих потенциалов и не только типов, но и индивидуально-личностных различий. И при максимальном отмежевании всех и всяких «поползновений» в сторону предметной, рацио-эгоистичной формы творчества, ныне распространенной в качестве «эталона» творчества.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.